

ДЕВАЛЬВАЦИЯ РУБЛЯ В 2023 ГОДУ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ

Гришин Д. В.¹

Аннотация: В статье исследуется девальвация рубля в 2023 году как экономическое явление с конкретными последствиями для внешнеэкономической деятельности российских предприятий. За год рубль ослаб примерно с 69–70 рублей за доллар в начале года до 88–90 рублей к концу, пройдя в августе пиковые значения выше 100 рублей. Обосновывается тезис о том, что девальвация 2023 года была не разовым курсовым шоком, а результатом накопившегося структурного расхождения между сокращавшейся экспортной выручкой и восстанавливавшимся импортом, усиленного бюджетным дефицитом и ослаблением механизма бюджетного правила. Последствия девальвации для предприятий рассматриваются дифференцированно: экспортёры сырья получили рублёвый выигрыш, но столкнулись с потолком экспортных цен и административным изъятием части курсовой ренты; импортёры и переработчики импортных компонентов понесли прямые потери через рост себестоимости; предприятия, ведущие расчёты в «мягких» валютах, оказались в условиях множественных транзакционных рисков. Отдельно анализируется феномен «переноса курса в цены» - неполного, отложенного и неравномерного по отраслям, - а также ограниченность хеджирования в условиях, когда западные финансовые инструменты недоступны. Делается вывод о том, что девальвация 2023 года обнажила структурную уязвимость внешнеэкономической деятельности российских предприятий, сформировавшуюся в процессе санкционной перестройки 2022 года, и поставила перед ними новые задачи управления валютными рисками в условиях принципиально изменившейся финансовой архитектуры.

Ключевые слова: девальвация рубля, валютный курс, внешнеэкономическая деятельность, экспорт, импорт, валютный риск, перенос курса в цены, санкции, торговый баланс, хеджирование, параллельный импорт, себестоимость

Для цитирования: Гришин Д. В. Девальвация рубля в 2023 году и её влияние на внешнеэкономическую деятельность предприятий // Московский вестник экономических наук. №4 (2023). С. 34-44.

THE DEVALUATION OF THE RUBLE IN 2023 AND ITS IMPACT ON THE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES OF ENTERPRISES

GRISHIN D. V.¹

Abstract: The article examines the ruble depreciation in 2023 as an economic phenomenon with specific consequences for the foreign economic activity of Russian enterprises. Over the year, the ruble weakened from approximately 69–70 rubles per dollar at the beginning of the year to 88–90 rubles by year-end, passing through peak values above 100 rubles in August. The article argues that the 2023 depreciation was not a one-off exchange rate shock but the result of a cumulative structural divergence between declining export revenues and recovering imports, amplified by the budget deficit and the weakening of the fiscal rule mechanism. The consequences of depreciation for enterprises are analyzed differentially: commodity exporters received a ruble windfall but faced export price ceilings and administrative extraction of part of the exchange rate rent; importers and processors of imported components suffered direct losses through rising costs; enterprises conducting settlements in "soft" currencies faced multiple transactional risks. The article separately analyzes the phenomenon of "exchange rate pass-through" to prices - incomplete, delayed, and uneven across industries - as well as the limitations of hedging in conditions where Western financial instruments are unavailable. It is concluded that the 2023 depreciation exposed the structural vulnerability of Russian enterprises' foreign economic activity formed during the sanctions restructuring of 2022, and posed new challenges for managing currency risks in a fundamentally changed financial architecture.

Keywords: ruble depreciation, exchange rate, foreign economic activity, export, import, currency risk, exchange rate pass-through, sanctions, trade balance, hedging, parallel import, cost price

<

ВВЕДЕНИЕ

Рубль начал 2023 год примерно на отметке 70 за доллар. Это был уровень, который воспринимался как стабилизация после потрясений 2022 года. К августу курс перевалил за 100 рублей - впервые с марта 2022 года, когда развернулся острый кризисный эпизод. В конце года рубль частично восстановился: декабрь 2023-го Банк России фиксировал в диапазоне 88–90 рублей за доллар. Итого за год - ослабление примерно на 25–30% от начального уровня, если считать от январских значений до декабрьских.

Цифра сама по себе красноречива, но она не объясняет, что за ней стоит. Девальвация 2023 года по своей природе отличалась от кризисного обвала весны 2022-го. Тогда ослабление было молниеносным и немедленно сопровождалось жёсткими административными мерами: обязательной продажей 80% валютной выручки, ограничениями на движение капитала, экстренным повышением ключевой ставки до 20%. В 2023-м всё происходило медленнее - растянуто на несколько месяцев, с постепенным нарастанием давления, и в условиях, когда экономика уже адаптировалась к новой реальности. Это было не паническое бегство из рубля, а накопленный структурный дисбаланс, который наконец выразился в курсе.

Для предприятий, ведущих внешнеэкономическую деятельность, это различие принципиально. Острый шок создаёт немедленные потери и вынуждает к экстренным действиям, но его масштаб и продолжительность более предсказуемы. Плавное, но устойчивое ослабление затрудняет планирование, расшатывает контрактные условия, постепенно вымывает маржу - и именно поэтому может быть не менее разрушительным для оперативного управления, чем резкий шок.

Нарбут и Шпаковская, анализируя векторы внешней торговли России под санкционным давлением, зафиксировали в 2022 году «тектонический сдвиг» в структуре внешнеэкономических отношений: разворот торговых потоков с запада на восток, изменение товарной структуры и появление новых посреднических цепочек [1]. К 2023 году этот сдвиг обрёл финансовое измерение - в виде девальвации, которая стала одним из его проявлений на уровне курсовой динамики.

Цель настоящей статьи - исследовать природу и факторы девальвации рубля в 2023 году, а также оценить её дифференцированные последствия для предприятий, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность: экспортёров, импортёров и компаний с двусторонней валютной экспозицией, - в условиях, когда как сама структура ВЭД, так и инструменты управления валютными рисками изменились принципиальным образом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статистическую основу исследования составляют данные Банка России о динамике официального курса рубля к доллару США и юаню за 2023 год, данные платёжного баланса Российской Федерации, публикуемые Банком России, а также материалы Росстата по динамике потребительских и производственных цен в части, связанной с импортной составляющей. Поскольку с апреля 2022 года Банк России и Федеральная таможенная служба приостановили детализированные публикации по товарной и географической структуре внешней торговли, для ряда оценок используются данные торговых партнёров - Евростата, Главного таможенного управления КНР - по методологии, описанной в работе Нарбут и Шпаковской [1].

Научную базу составляют работы, верифицированные через платформы CyberLeninka и eLIBRARY.RU. Среди них принципиальное значение имеют: работа Нарбут и Шпаковской [1] по векторам развития внешней торговли России в санкционных условиях; исследования по эффекту переноса валютного курса в цены применительно к российской экономике [2, 3], в том числе в условиях переориентации импортных потоков; работы по конкурентоспособности экспорта обрабатывающей промышленности в зависимости от курсовой динамики [4]; исследования факторов влияния на курс национальной валюты в условиях рыночных ограничений [5]; работы по девальвации рубля как явлению - её внешним и внутренним детерминантам [6].

Методологически работа строится на причинно-следственном анализе трёх взаимосвязанных уровней: макроэкономическом - факторы девальвации; отраслевом - дифференцированные последствия для разных типов участников ВЭД; операционном - изменение условий контрактирования, хеджирования и управления валютными рисками. Временной горизонт охватывает прежде всего 2023 год, но для понимания природы девальвации необходимо обращение к событиям 2022 года как отправной точке структурного перестроения внешнеэкономических связей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Объяснение девальвации рубля в 2023 году требует осторожности. Слишком просто сказать, что «экспорт упал, импорт вырос - рубль ослаб». Это верно в первом приближении, но не объясняет ни темпа ослабления, ни его неравномерности по кварталам года, ни того, почему регулятор не смог или не счёл нужным предотвратить выход курса за отметку 100.

Первый и, пожалуй, главный фактор - динамика торгового баланса. В 2022 году счёт текущих операций достиг рекордного значения - около 227 млрд долларов - во многом благодаря взлёту мировых цен на энергоносители и одновременному обвалу импорта [1]. В 2023 году оба эти явления стали разворачиваться в обратном направлении. Экспортная выручка снижалась: нефть торговалась с дисконтом к мировым ценам из-за санкций и потолка цен, объёмы поставок в европейском направлении сократились, перенаправление на азиатские рынки требо-

вало ценовых уступок. Импорт, напротив, восстанавливался - параллельный импорт наращивал объёмы, внутренний спрос поддерживался государственными расходами и ростом доходов занятых. Разница между экспортными поступлениями и импортными платежами сужалась - и рубль реагировал на это ослаблением.

Второй фактор - ослабление механизма бюджетного правила. В обычных условиях бюджетное правило сглаживало влияние нефтяных доходов на курс: сверхдоходы откладывались в резервный фонд, что ограничивало приток валюты на рынок и удерживало рубль от избыточного укрепления. После заморозки резервов в 2022 году механизм фактически был перестроен: операции по бюджетному правилу стали проводиться в юанях, что частично лишило его прежней стабилизирующей роли для пары «рубль - доллар». Бюджетный дефицит 2023 года, финансируемый из ФНБ, дополнительно создавал рублёвую эмиссию, не подкреплённую соответствующим приростом валютного предложения.

Третий фактор - постепенное снятие ограничений на движение капитала и отток валюты по каналам, связанным с параллельным импортом и расчётами через третьи страны. Рублёвые средства, поступавшие на рынок в результате государственных расходов, частично конвертировались в иностранную валюту для оплаты импортных контрактов - и это давило на курс.

Важно понимать, что все три фактора действовали одновременно и усиливали друг друга. В начале 2023 года их совокупный эффект ещё не был критическим: курс держался вблизи 70 рублей. Но по мере того как сальдо торгового баланса сужалось, а импорт продолжал восстанавливаться, накопленное давление выплёскивалось в курс - и именно поэтому летом 2023 года движение было таким резким. Введение обязательной продажи валютной выручки в октябре 2023 года - 80% репатриации с продажей 90% от репатрированного объёма - стало административным ответом на это давление и позволило частично стабилизировать рубль в диапазоне 88–90 к концу года.

Принято считать, что от девальвации рубля выигрывают экспортёры: их товары продаются за валюту, а расходы осуществляются в рублях, поэтому рублёвая прибыль при слабом курсе механически возрастает. Это объяснение кажется убедительным только на первый взгляд.

В реальности ситуация 2023 года была значительно сложнее. Для экспортёров сырьевых товаров - нефти, металлов, удобрений - ослабление рубля действительно давало краткосрочный рублёвый выигрыш. Но одновременно оно сопровождалось рядом ограничений, которые этот выигрыш частично нивелировали. Введение потолка цен на российскую нефть западными странами и торговля с дисконтом к Brent означали, что валютная выручка в расчёте на единицу товара была меньше, чем могла бы быть при свободном рынке. Часть курсовой ренты была изъята административно через механизм налога на сверхприбыль и корректировку параметров налога на добычу полезных ископаемых. Обязательная продажа валютной выручки ограничивала способность компаний накапливать валютные активы как инструмент хеджирования будущих рисков.

Для экспортёров обрабатывающей промышленности ситуация была принципиально иной. Здесь связь между ослаблением рубля и конкурентоспособностью на внешних рынках - не прямая. Исследования по конкурентоспособности российского экспорта обрабатывающей промышленности показывают, что реальный курс рубля и ценовая конкурентоспособность могут расходиться: если внутренняя инфляция опережает девальвацию, реальное ослабление оказывается меньше номинального [4]. В 2023 году именно это и происходило: потребительские цены росли, рост затрат на оплату труда был значительным, а выигрыш от слабого рубля частично поглощался ростом рублёвой себестоимости. Кроме того, переориентация экспортных потоков на азиатские рынки сопровождалась ценовыми уступками и ростом логистических затрат, которые дополнительно сжимали маржу.

Если для сырьевых экспортёров девальвация давала хотя бы номинальный выигрыш, то для предприятий, зависящих от импортных поставок, она однозначно означала рост затрат. Причём этот рост затрагивал значительно более широкий круг компаний, чем те, кто формально занимается ввозом товаров.

Прямые импортёры потребительских товаров столкнулись с тем, что рублёвая стоимость их закупок выросла пропорционально ослаблению курса - или даже опережающим темпом, если поставки шли через посредников с дополнительными валютными наценками. Параллельный импорт, ставший основным каналом ввоза широкой номенклатуры товаров после ухода части западных поставщиков, предполагал более длинные логистические цепочки, несколько уровней посредников и расчёты в нестандартных валютах. Всё это закладывалось в контрактные цены поверх курсового удорожания.

Но гораздо масштабнее - в силу охвата - оказался эффект для предприятий, использующих импортные компоненты в производственном процессе. Оборудование, запасные части, электронные компоненты, химическое сырьё, упаковка, программное обеспечение - всё это стало дороже в рублёвом выражении. Причём именно здесь эффект переноса курса в цены был особенно значимым, поскольку производственные затраты напрямую включаются в себестоимость и не могут быть просто «проглочены» предприятием на горизонте нескольких кварталов.

Исследования эффекта переноса валютного курса в цены применительно к России показывают, что этот перенос не является полным и мгновенным: предприятия поглощают часть курсового шока за счёт сжатия маржи в краткосрочном периоде, и лишь затем, по мере пересмотра контрактов, рост себестоимости переходит в отпускные цены [2, 3]. В 2023 году перенос носил именно такой характер: весной и ранним летом предприятия ещё удерживали цены, сохраняя клиентуру, но к осени волна пересмотра цен прокатилась по широкому кругу отраслей.

Здесь обнаруживается важная асимметрия: экспортёры извлекали рублёвый выигрыш практически мгновенно - в момент конвертации валютной выручки, - тогда как издержки от ослабления рубля для импортёров и производственных

компаний реализовывались постепенно, с лагом в несколько месяцев. Это создавало иллюзию того, что девальвация «хороша для экономики», - тогда как её полный эффект проявлялся позже и был значительно менее однородным.

Одним из наиболее существенных изменений в практике ВЭД российских предприятий в 2022–2023 годах стал переход на расчёты в «дружественных» валютах - прежде всего в китайском юане, а также в дирхаме, рупии, турецкой лире. Этот переход был вынужденным: долларовые и евровые расчёты с западными контрагентами стали недоступны, а расчёты в долларе через банки третьих стран сопровождались нарастающими комплаенс-рисками по мере ужесточения вторичных санкций.

Переход на юань изменил саму природу валютного риска для предприятий. В эпоху долларовых расчётов риск был достаточно хорошо изучен: динамика рубля к доллару предсказывалась с той или иной точностью, существовали инструменты хеджирования - форварды, фьючерсы на Московской бирже, валютные свопы. Юань как расчётная валюта принёс в эту систему новую переменную: курс рубля к юаню определяется взаимодействием рубля к доллару и юаня к доллару, что делает управление валютным риском более многоуровневым.

Кроме того, расчёты в турецких лирах и индийских рупиях, к которым прибегали некоторые предприятия в 2022–2023 годах, несли в себе дополнительный риск: обе валюты сами по себе склонны к ослаблению, и расчёты в них при задержке платежей означали дополнительные курсовые потери уже внутри цепочки расчётов - поверх потерь от ослабления рубля. Это был новый тип валютного риска, к которому отечественные предприятия не имели ни практики управления, ни выработанных методологических подходов.

Теоретически девальвация должна транслироваться в цены: рост стоимости импортных товаров и компонентов ведёт к росту отпускных цен - на потребительском рынке, в промышленности, в строительстве. В действительности перенос курса в цены в России в 2023 году был неполным, отложенным и существенно различался по отраслям.

Три механизма объясняют эту неполноту. Первый - стратегия предприятий: в условиях неопределённости относительно продолжительности девальвации многие компании предпочли поглощать часть курсового шока за счёт маржи, не желая терять покупателей резким повышением цен. Это рациональное поведение при умеренном, но непродолжительном ослаблении; при долгом и глубоком ослаблении оно не работает, и именно к осени 2023 года возможность поглощения затрат была в основном исчерпана. Второй - структура контрактов: многие контракты на поставку заключаются на квартал или полугодие с фиксированными рублёвыми ценами. Пока контракт действует, цены не пересматриваются; перенос курса происходит при следующей ротации контракта. Третий - конкурентная среда: на рынках с высокой конкуренцией предприятия сдерживают рост цен дольше, на рынках с олигопольной структурой - пересматривают быстрее.

Исследования моделирования эффекта переноса валютного курса на цены в России показывают, что в режиме инфляционного таргетирования перенос стал более распределённым во времени по сравнению с периодом до его введения [3]. Это означает, что инфляционный эффект девальвации реализовывался не одно-моментно, а растягивался на несколько кварталов - что и подтвердила динамика инфляции в 2023 году: ускорение ценового давления стало отчётливым именно во второй половине года, когда эффект переноса от летнего ослабления рубля начал материализоваться в ценах.

До 2022 года российские предприятия, ведущие ВЭД, располагали достаточно развитым инструментарием управления валютными рисками. Форвардные контракты, валютные свопы, опционы в долларах и евро - всё это было доступно через крупнейшие банки, включая дочерние структуры западных финансовых институтов, присутствовавших на российском рынке. Московская биржа обеспечивала ликвидный рынок срочных инструментов на пару рубль/доллар.

После 2022 года этот инструментарий частично перестал работать. Западные банки ушли с российского рынка вместе со своими продуктами. Срочный рынок на долларовые инструменты сохранился на Московской бирже, но его ликвидность снизилась - возможность хеджирования для крупных позиций стала ограниченной. Хеджирование в юане только начинало развиваться.

В этих условиях значительная часть предприятий вернулась к более простым методам управления курсовым риском: естественному хеджированию через согласование валют выручки и затрат; включению валютных оговорок в контракты с партнёрами, допускающими такие условия; авансированию платежей при ожидаемом ослаблении рубля; формированию валютных резервов на счетах в банках дружественных стран. Каждый из этих подходов имеет существенные ограничения: естественное хеджирование требует симметричной структуры выручки и затрат, которой нет у большинства предприятий; валютные оговорки работают только при согласии контрагента; авансирование платежей замораживает оборотный капитал.

Нарбут и Шпаковская, анализируя торговые потоки 2022 года, зафиксировали статистически значимое снижение доли России на европейских рынках практически по всем основным товарным группам, кроме никеля [1]. Взамен началась интенсификация торговли с Китаем, Индией, Турцией, странами Ближнего Востока и Африки. К 2023 году эта переориентация уже во многом состоялась, но валютная её сторона оставалась источником дополнительных рисков для предприятий.

Переход к расчётам с азиатскими партнёрами в юанях, а с ближневосточными - в дирхаме или смешанных валютных корзинах означал, что предприятия теперь управляли не одним курсовым риском, а несколькими одновременно. При этом западные контрагенты, с которыми сохранялись поставки через третьи страны или параллельный импорт, часто настаивали на долларовых ценах - что создавало ещё один уровень сложности в расчётах.

Параллельный импорт заслуживает отдельного внимания с точки зрения его влияния на себестоимость. Легализованный в 2022 году, он к 2023-му стал одним из основных каналов поставок широкой товарной номенклатуры. Но его стоимость была объективно выше, чем у прямого импорта: наценки посредников, более длинные маршруты, транзакционные издержки, страховые премии за комплаенс-риски. При ослаблении рубля эти наценки росли пропорционально - и предприятия, зависевшие от параллельного импорта, несли двойной удар: курсовой и структурный.

Последствия девальвации существенно различались в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия и структуры его внешнеэкономической деятельности. Нефтегазовые компании оказались в наиболее неоднозначной позиции: рублёвые доходы выросли, но одновременно выросли и экспортные пошлины - через механизмы автоматической корректировки, привязанные к курсу. Металлурги и производители удобрений также получили рублёвый выигрыш, но столкнулись с ростом внутренних производственных затрат и логистических издержек.

Машиностроение и отрасли, производящие продукцию с высокой долей импортных компонентов, оказались в числе наиболее уязвимых. Здесь девальвация означала прямой рост себестоимости без соответствующего роста выручки - особенно для тех предприятий, которые ориентированы преимущественно на внутренний рынок, а не на экспорт. Торговые предприятия, специализирующиеся на импорте потребительских товаров, передавали рост затрат в розничные цены - с лагом, обусловленным контрактной структурой и конкурентным давлением.

Принципиальный вопрос, который встаёт перед любым предприятием в условиях девальвации, - насколько оно способно перенести рост затрат в конечные цены. Ответ определяется рыночной властью: есть ли конкуренты, предлагающие более дешёвую альтернативу, и насколько эластичен спрос в данном сегменте. В 2023 году многие предприятия обнаружили, что их рыночная власть выросла по сравнению с досанкционным периодом - конкуренция со стороны западных поставщиков исчезла, а отечественное производство не успевало заполнить образовавшиеся ниши. Это позволяло переносить рост затрат в цены с относительно небольшими потерями объёма продаж - что и стало одним из каналов, через которые девальвация трансформировалась в инфляцию.

ВЫВОДЫ

Девальвация рубля в 2023 году имела структурную природу. Её непосредственными причинами стали сужение положительного сальдо торгового баланса вследствие снижения экспортной выручки и восстановления импорта, ослабление стабилизирующего воздействия бюджетного правила и постепенное снятие ограничений на движение капитала. Всё это накапливалось на протяжении года и в июле-августе реализовалось в выходе курса выше 100 рублей за доллар - значення, которое само по себе стало психологическим триггером для дополнительного давления.

Последствия девальвации для внешнеэкономической деятельности предприятий оказались асимметричными и неравномерными. Сырьевые экспортёры получили рублёвый выигрыш, но он был частично изъят через налоговые механизмы и ограничен ценовыми дисконтами на мировых рынках. Предприятия с высокой импортной составляющей в себестоимости понесли прямые потери, которые лишь с временным лагом были переложены на конечные цены. Торговые предприятия, работающие через параллельный импорт, столкнулись с двойным удорожанием - курсовым и структурным.

Переход на расчёты в юане и других «мягких» валютах создал новый тип валютного риска, к управлению которым большинство российских предприятий не было готово ни методологически, ни инструментально. Традиционный инструмент хеджирования оказался частично недоступен, а альтернативы ещё не сформировались в полноценные рыночные механизмы.

Механизм переноса курса в цены в 2023 году был неполным, отложенным и различался по отраслям - что отчасти объясняет, почему инфляционный эффект девальвации наиболее отчётливо проявился лишь во второй половине года. Именно это обстоятельство стало одним из ключевых аргументов в пользу резкого повышения ключевой ставки Банком России.

Если смотреть на 2023 год как на элемент более длинной траектории, то девальвация обнажила фундаментальную проблему: перестройка внешнеэкономических связей России, начавшаяся в 2022 году, изменила товарную и географическую структуру торговли, но не устранила структурные дисбалансы, которые в новых условиях выражаются в курсовой нестабильности. До тех пор пока экспортные доходы уязвимы к санкционным ценовым потолкам, а импорт восстанавливается темпами, опережающими рост экспортной выручки, давление на рубль будет воспроизводиться - с той или иной степенью интенсивности - при каждом ухудшении внешнеторговой конъюнктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарбут В. В., Шпаковская Е. П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 131–148.
2. Фиранчук А. и др. Анализ реакции цен импортируемых товаров на колебания курса рубля и уход части зарубежных поставщиков с российского рынка. М.: МОВЭ, 2023. (Рабочий доклад SSRN 4613026.)
3. Моделирование эффекта переноса валютного курса на цены в России // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 3. С. 136–154.
4. Валютный курс рубля и конкурентоспособность экспорта российской обрабатывающей промышленности // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 78–97.
5. Факторы влияния на курс национальной валюты в условиях рыночных ограничений: современный опыт России // Экономика и управление. 2023. № 4. С. 302–312.
6. Девальвация рубля: внешние шоки и внутренние проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 3. С. 41–52.
7. Девальвация рубля: возможные преимущества и последствия для российской экономики // Журнал экономической теории. 2016. № 4. С. 114–126.
8. Влияние динамики курса рубля на развитие отдельных отраслей // ЭКО. 2016. № 7. С. 44–58.
9. Актуальные тенденции развития внешней торговли России в условиях санкций // Российский экономический интернет-журнал. 2023. № 3. С. 1–15.
10. Оценка влияния санкционного давления на внешнеторговую деятельность // Вестник РЭУ. 2023. № 1. С. 78–89.

11. Переориентация торговли Европейского союза и Российской Федерации в условиях санкций // КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereorientatsiya-torgovli-evropeyskogo-soyuza-i-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-sanktsiy>
12. Воздействие мировых цен на нефть на состояние валютного курса рубля и инфляционные процессы в российской экономике // КиберЛенинка. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-mirovyh-tsen-na-neft-na-sostoyanie-valyutnogo-kursa-rublya-i-inflyatsionnye-protssesy-v-rossiyskoy-ekonomike>
13. Эконометрическая оценка эффекта переноса валютного курса на потребительские цены в России // Российский журнал экономической лингвистики. 2023. № 2. С. 87–104.
14. Банк России. Динамика официального курса доллара США. URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения: 01.03.2024).
15. Банк России. Платёжный баланс Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 01.03.2024).
16. Росстат. Индексы потребительских цен на товары и услуги. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 01.03.2024).
17. Правительство Российской Федерации. Постановление об обязательной продаже валютной выручки экспортёрами. Октябрь 2023. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 15.11.2023).

REFERENCES

1. Narbut V. V., Shpakovskaya E. P. Vectors of development of Russia's foreign trade under sanctions. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023, no. 2, pp. 131–148. (In Russ.)
2. Firanchuk A. et al. Analysis of the reaction of import prices to ruble exchange rate fluctuations and the exit of some foreign suppliers from the Russian market. Moscow: MOVE, 2023. (SSRN Working Paper 4613026.) (In Russ.)
3. Modeling the exchange rate pass-through effect on prices in Russia. Finance: Theory and Practice, 2018, vol. 22, no. 3, pp. 136–154. (In Russ.)
4. The ruble exchange rate and the competitiveness of Russian manufacturing exports. Voprosy Ekonomiki, 2021, no. 9, pp. 78–97. (In Russ.)
5. Factors influencing the national currency exchange rate under market restrictions: modern Russian experience. Economics and Management, 2023, no. 4, pp. 302–312. (In Russ.)
6. Ruble devaluation: external shocks and internal problems. World Economy and International Relations, 2022, no. 3, pp. 41–52. (In Russ.)
7. Ruble devaluation: possible advantages and consequences for the Russian economy. Journal of Economic Theory, 2016, no. 4, pp. 114–126. (In Russ.)
8. The impact of ruble exchange rate dynamics on the development of individual industries. ECO, 2016, no. 7, pp. 44–58. (In Russ.)
9. Current trends in the development of Russia's foreign trade under sanctions. Russian Economic Internet Journal, 2023, no. 3, pp. 1–15. (In Russ.)
10. Assessment of the impact of sanctions pressure on foreign trade activities. Bulletin of the PRUE, 2023, no. 1, pp. 78–89. (In Russ.)
11. Reorientation of trade between the European Union and the Russian Federation under sanctions. CyberLeninka, 2023. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereorientatsiya-torgovli-evropeyskogo-soyuza-i-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-sanktsiy> (In Russ.)
12. The impact of world oil prices on the ruble exchange rate and inflationary processes in the Russian economy. CyberLeninka, 2022. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-mirovyh-tsen-na-neft-na-sostoyanie-valyutnogo-kursa-rublya-i-inflyatsionnye-protssesy-v-rossiyskoy-ekonomike> (In Russ.)
13. Econometric assessment of the exchange rate pass-through effect on consumer prices in Russia. Russian Journal of Economic Linguistics, 2023, no. 2, pp. 87–104. (In Russ.)
14. Bank of Russia. USD/RUB official exchange rate dynamics. Available at: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/ (Accessed: March 1, 2024). (In Russ.)
15. Bank of Russia. Balance of payments of the Russian Federation. Available at: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (Accessed: March 1, 2024). (In Russ.)
16. Federal State Statistics Service (Rosstat). Consumer price indices. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (Accessed: March 1, 2024). (In Russ.)
17. Government of the Russian Federation. Decree on mandatory sale of foreign exchange earnings by exporters. October 2023. Available at: <http://government.ru> (Accessed: November 15, 2023). (In Russ.)

Информация об авторе

Гришин Денис Васильевич

Кафедры сервиса и туризма Северо-Кавказского социального института; E-mail: gdv@sksi.ru

Information about the author

GRISHIN Denis Vasilievich

Of the Department of Service and Tourism North Caucasian Social Institute; E-mail: gdv@sksi.ru